

Ци Чжао утер испачканное лицо и ядовито усмехнулся:

— Значит, сам признаешь, что твой щенок меры не знает! Я свято чту заветы главы ордена и в бою сдерживался, щадил его. А твой оборвыш мало того что пустил в ход грязные уловки, так ещё и повёл себя как последнее быдло! И это на глазах у всех! Чему ты вообще его учишь? Или сам манерам не обучен?

— В канонических трактатах по искусству меча есть техника, именуемая «Техникой Возвращения Десяти Тысяч Мечей к Истокам». Неужели второй молодой господин никогда о ней не слышал?

Цзян Ту ничуть не задело это публичное оскорбление. Голос его оставался безмятежным, но каждое слово било наотмашь.

— Впрочем, вы правы. Мой скромный ученик вырос в Нижнем царстве, ему далеко до того благородства и стати, что возвращают на горе Просветленного Сердца с самых малых лет. Но называть его грубияном...

Цзян Ту сокрушенно вздохнул, всем своим видом показывая, как ему претит этот пустой спор.

Наконец Е Хуай глухо заговорил, и в его голосе послышались обиженные, почти детские слезы:

— Он... Ци Чжао первым оскорбил вас, учитель. Я просто не сдержался...

Разумеется, в той недавней куче мале досталось обоим — едва опомнившись, Ци Чжао успел нанести Е Хуаю несколько крепких ударов.

Теперь все взгляды скрестились на юноше. Вокруг его левого глаза расплылся сочный фиолетовый набряк, а из ноздрей уныло струились две дорожки крови. В отличие от Ци Чжао, которого адепты горы Просветленного Сердца сразу бросились приводить в порядок, Е Хуая после драки учитель заставил стоять смирно. Кровь уже успела затечь за ворот его одеяний, отчего парень выглядел до невозможности жалко и сиротливо.

К тому же все прекрасно слышали, какими словами Ци Чжао только что честил Цзян Ту. Оправдания Е Хуая звучали на редкость искренне: парень просто заступился за честь наставника, пусть и погорячился малость, с кем не бывает.

«Дело молодое, кровь кипит, — рассудила толпа. — Парень просто верен учителю». Окружающие стали смотреть на побитого Е Хуая с явным сочувствием.

Ци Чжао от такой несправедливости едва удар не хватил. Он зло, истерично рассмеялся:

— Ну надо же, как запел! Ловко ты всё наизнанку вывернул! Да я вообще не собирался драться, но скажите на милость, кто станет безвольно лежать, пока его втаптывают в грязь?!

Толпа со вздохом перевела взоры на Е Хуая, теперь уже со скрытым осуждением.

Цзян Ту и бровью не повел:

— Золотые слова. Кто же станет безвольно сносить побои? Именно поэтому, если бы мой ученик вовремя не перехватил инициативу, когда вы вознамерились призвать аватару духа, от него бы сейчас и мокрого места не осталось.

Толпа онемела.

Что?! Аватару духа?!

Аватара духа — плоть от плоти первородной души заклинателя. Лишь практики на пике третьего ранга способны пробудить её, да и то их удел — безликие звериные маски. И только истинные владыки Земного ранга вольны явить миру человеческий лик своего духовного начала.

Ныне, когда духовная энергия в Среднем царстве стремительно иссякала, великих мастеров на пике третьего ранга почти не осталось, так что в обычных стычках до призыва аватары дело не доходило.

Но Божественное царство, пресыщенное чистейшей ци, жило по иным законам.

Явление аватары духа означало лишь одно: игра в благородный поединок окончена. Впереди только смерть.

Ци Чжао онемел. Цзян Ту по-прежнему стоял перед ним в вежливом поклоне, но от этого жеста веяло чем угодно, только не почтением. Юноша кожей чувствовал, что этот хитрый лис обвёл его вокруг пальца.

Да, в какой-то миг у него действительно мелькнула мысль призвать аватару духа, но он почти сразу отбросил её, успев разве что пальцы в жесте сложить. Но теперь, когда Цзян Ту преподнес это как свершившийся факт, оправдываться было бесполезно.

В груди у Ци Чжао шевельнулся липкий страх перед его пронизательностью. Этот Цзян Ту... и впрямь бездонно глубок, как и предупреждал старик Куньянь.

— Е Хуай! Ну и повезло же тебе с учителем, — процедил сквозь зубы Ци Чжао.

Его собственный наставник после позорного проигрыша ушел не оборачиваясь, тогда как Цзян Ту грудью защищал своего подопечного. В душе юноши шевельнулась горькая, уязвленная зависть.

— Что ж, прячась за его спиной хоть до конца дней своих, трусливый щенок! Но правила турнира ты нарушил. Если мы спустим тебе это с рук, гору Просветленного Сердца курам на смех поднимут!

Слышать подобные речи от Ци Чжао было довольно смешно: если уж сравнивать обычную кулачную расправу и попытку выпустить аватару духа на тренировочном поле, последнее преступление выглядело куда более вопиющим.

Но правила устанавливала гора Просветленного Сердца, а значит, и трактовать их хозяева вольны были по своему усмотрению.

Цзян Ту неторопливо вздохнул. Сначала он накинул на плечи Е Хуая его верхний халат, а затем плавно, движение за движением, развязал пояс собственных одежд.

Белизна его кожи, и без того безупречная, стоило лишь соскользнуть светлым шелкам ордена Прихода и Ухода, казалась почти прозрачной на фоне пронзительно-алого исподнего халата.

Картина дышала невольным соблазном, но на лице мужчины застыло такое невозмутимое спокойствие, что любой греховный помысел казался святотатством.

Ци Чжао оторопел и растерянно заикнулся:

— Ты... ты что удумал?

— Второй молодой господин абсолютно прав, — ровным тоном произнес Цзян Ту. — Мой подопечный проявил непростительное безрассудство и заслуживает кары. Но я, будучи его наставником, не научил его сдержанности, а значит, виновен вдвойне. Упущение наставника — грех ученика. Коль желаете свести счеты, ударьте меня в ответ. Обещаю, я и пальцем вас не трону.

Глаза Ци Чжао округлились:

— Да ты... ты...

Что за дичь он несет?! Действительно предлагает избить себя?!

Как ни крути, Ци Чжао принадлежал к одному поколению с Е Хуаем, а Цзян Ту, как наставник, по статусу считался его старшим. Чтобы младший поднял руку на старшего, да ещё под запевку «я не стану защищаться»?!

Большого издевательства и выдумать было нельзя. С виду — благородный, чистый помыслами муж, а характер оказался на редкость пакостным!

Ци Чжао хоть и славился вспыльчивым нравом, дураком не был. Стоит ему поддаться на уловку и поднять руку на Цзян Ту, как на него мигом повесят клеймо нечестивца. Подобный позор куда страшнее разукрашенного лица — старик Куньянь тут же спишет его со счетов, лишив всяких надежд когда-нибудь возглавить клан Ци.

Пока он лихорадочно соображал, что делать, шум привлек внимание обходившего уголья Ци Фэнчэна.

Этот дородный, круглый толстяк тут же втиснулся в кольцо зевак, расплываясь в примирительной улыбке:

— Ох, старейшина Цзян, Чжао-эр! Ну что же вы, господа, к чему ссоры? Мир приносит богатство, тише, тише!

— Чжао-эр, полно дурить, сейчас же извинись перед старейшиной Цзяном! — строго приказал Ци Фэнчэн, одновременно отвешивая Цзян Ту учтивый поклон. Но едва взглянув на растерзанные одежды последнего, он испуганно всплеснул руками: — Батюшки, старейшина Цзян, вы-то зачем разоблачились? Полно вам, накиньте халат, на дворе осень, не ровен час простуду подхватите!

Цзян Ту воспользовался предложенной лазейкой. Он послушно набросил на плечи верхнее платье и сложил ладони:

— Третий господин Ци, в случившемся виновен исключительно мой непутевый ученик...

С лица Ци Фэнчэна градом катился пот:

— Ну что вы, помилуйте! Это мой сорванец первый полез на рожон, вот юный господин Е и вспылil. Эх, старейшина Цзян, дело молодое! Сами ведь понимаете, мы тоже когда-то были зелеными юнцами. Кровь горячая, слово за слово — и давай кулаками махать! Обычное дело. Как говорится, не подерешься — не подружишься, ха-ха!

Конечно, толстяку и в страшном сне не могло присниться, что этот изящный юноша, которого он почитал за сверстника, по годам годился ему в прадеды, если не в прашуры.

Цзян Ту не стал его разуверять. Он лишь мягко улыбнулся в знак согласия:

— Ваша правда, третий господин.

— Раз так... — Ци Фэнчэн заискивающе прищурился. — Быть может, замнем это недоразумение?

Цзян Ту, разумеется, спорить не стал — его сторона в этой стычке ни капли не пострадала:

— Разумеется, замять...

Договорить он не успел. С соседней арены донесся истошный, полный предсмертной муки вопль:

— А-а-а-а-ах-ха-а-а!!!

Цзян Ту резко повернул голову.

Один из участников поединка катался по каменным плитам, в безумии раздирая ногтями собственное горло. Из его тела густыми струями хлестало Дыхание скверны — живое, ядовитое, точно извергающаяся лава.

Но его сопернику досталось во сто крат страшнее.

Дыхание скверны, будто изголодавшийся зверь, прямо на глазах у онемевшей толпы с хрустом выкрутило и оторвало несчастному руки и ноги.

Кровь брызнула фонтаном.

А из глубины клубящегося Дыхания скверны донеслось глухое, сытое чавканье.

Бедствие грянуло столь внезапно, что толпа застыла в оцепенении.

Е Хуай на инстинктах рванулся вперед, силясь спасти несчастного, но Цзян Ту мертвой хваткой вцепился в его плечо, утянул себе за спину и предостерегающе качнул головой.

С другой стороны Ци Чжао, первым оправившись от потрясения, вскинул ладонь, посылая мощный импульс духовной энергии в клубы Дыхания скверны.

Однако его атаку прервали на полпути. Ци Фэнчэн мертвой хваткой вцепился в племянника, удерживая на месте:

— Чжао-эр, остынь! Не смей соваться, сам сгинешь!

— Третий дядя! — в ярости выкрикнул юноша. — Как можно просто стоять и смотреть?!

Ци Фэнчэн продолжал удерживать его, пытаясь натянуть на лицо примирительную улыбку, хотя холодный пот градом катился по его складкам:

— Пустяки, обычное Дыхание скверны, ничего страшного! Уважаемые гости, без паники!

Пугала его, конечно, не само Дыхание скверны — с такой мелкой напастью гора Просветленного Сердца могла с легкостью совладать в одиночку. Страшно было другое: если

прямо во время турнира один из гостей обратится в призрачного зверя, репутации великого ордена придет конец.

Губы толстяка задвигались в беззвучной скороговорке заклинания. С каждым новым словом полы его широкого халата вздымались всё выше, обнажая обмотанные вокруг чресла массивные четки.

Каждая бусина сияла чистейшей ци — золотисто-алая, янтарно-оранжевая, они со свистом сорвались с пояса и устремились навстречу черному мареву, беря его в кольцо.

За долю секунды яркие вспышки света выжгли скверну без остатка. Бусины послушно вернулись к хозяину, вновь обвив его талию.

Лишь на миг показалось — а быть может, то была чистая правда, — что и без того необъятное брюхо Ци Фэнчэна раздулось еще сильнее, будто после плотного обеда.

— Вот и... — толстяк внезапно шумно рыгнул и тут же прижал ладонь к губам. — Прошу простить великодушно. Вот и всё, беда миновала.

Он вежливо поклонился собравшимся:

— Извините за это досадное недоразумение. Эй, бездельники! Живо приберите здесь всё!

Несколько адептов горы Просветленного Сердца поспешно бросились к залитым кровью плитам.

В отличие от любопытных зевак, хлынувших к помосту, Цзян Ту не сделал ни шагу вперед. Он лишь окинул место происшествия беглым, холодным взглядом издали.

Но и этого хватило, чтобы рассмотреть кровавое месиво. Несчастный, на которого набросилась скверна, лишился конечностей — его руки и ноги превратились в бесформенный фарш, остался лишь изувеченный, содрогающийся торс. Тот же, кто обратился в призрачного зверя, теперь напоминал уродливую тварь с крошечным тельцем и непомерно раздутой головой. Его глаза безумно вывалились из орбит, точно у злобного призрака-чангуя. В нем не осталось ничего человеческого.

Еще мгновение назад эти двое дышали, надеялись и боролись, а теперь смерть лишила их даже права умереть по-человечески.

Пострадавшие принадлежали к числу лучших преемников именитых орденов, так что из толпы тут же донеслись яростные крики:

— Как на священной горе Просветленного Сердца могло завестись Дыхание скверны?! Третий господин Ци, вы обязаны объясниться!

Ци Фэнчэн безостановочно утирал лоб рукавом:

— Разумеется, разумеется! Я лично займусь расследованием. Завтра... нет, прямо сегодня к вечеру все получат исчерпывающие объяснения!

Цзян Ту, нахмурившись, наблюдал за этой жалкой суетой.

Толстяк из кожи вон лез, чтобы поскорее замять дело и выставить себя спасителем положения. Вчера точно так же вел себя Ци Чжао. Оба они отчаянно цеплялись за право вершить дела на турнире.

Цзян Ту прикрыл глаза, вспомнив вчерашние слухи: поговаривали, будто здоровье главы ордена совсем пошатнулось и старик доживает последние дни.

Что ж... даже на заоблачных вершинах бессмертных люди не в силах избавиться от земной грязи. Какая невыносимая скука.

Не желая пачкать руки в чужих политических дрызгах, Цзян Ту поспешил уйти.

Он незаметно выскользнул из бурлящей толпы, осаждавшей Ци Фэнчэна. Е Хуай преданной тенью последовал за ним.

Поскольку адептам ордена Прихода и Ухода еще предстояло выйти на арену, их глава, Чэн Жан, вынужден был оставаться на трибунах. Цзян Ту успокаивающе кивнул ему, давая понять, что всё в порядке, и направился к их скромным гостевым покоям.

Е Хуай виновато семенил следом, то и дело размазывая по лицу кровь из разбитого носа ладонью.

Заметив это краем глаза, Цзян Ту почувствовал, как у него задергалась жилка на виске.

И без того весь побит, так ещё и трет себя без всякой жалости. В итоге лишь развез сукровицу по щекам, превратившись в лохматую бездомную собаку.

Цзян Ту резко остановился. Е Хуай едва не врезался в его грудь, испуганно отшатнулся назад и понурил голову, не смея поднять глаз.

— Учитель... — видя молчание наставника, Е Хуай испугался еще сильнее. Под веками защищало. — Я... я виноват...

— И в чём же твоя вина? — Цзян Ту требовательно оглядел его лицо.

«Какая непроходимая глупость, — подумал он. — Вбивать соперника в землю и при этом умудриться поймать удар прямо в глаз. Опухло так, что на спелый орех похоже».

Е Хуай упрямо поджал губы. В глубине души он ни капли не жалел, что проучил Ци Чжао, но перечить наставнику не смел:

— Мне не следовало увлекаться... Я позабыл ваши наставления и не сумел вовремя умерить пыл. Но учитель, он ведь посмел оскорбить вас! Он... я...

Три года назад этот мерзавец уже смел глумиться над Цзян Ту. Тогда Е Хуай был слаб и беспомощен, но теперь, когда пришло время платить по старым счетам, как он мог смолчать?

Голос юноши дрогнул, задрожал от обиды:

— К тому же на горе Просветленного Сердца все равно прознали про мою Кость Циляня. Учитель, к чему теперь таиться? Они все равно не оставят меня в покое. Я не хочу, чтобы они думали, будто нас можно безнаказанно топтать. Я... я просто хотел защитить вас...

— Я не нуждаюсь в твоей защите, — отрезал Цзян Ту.

Грозный Владыка преисподней, некогда державший в узде весь подземный мир, чувствовал лишь глухое бессилие. Этот щенок едва дотянул до третьего ранга, сам едва на ногах держится, а уже лезет его защищать.

Ледяной тон наставника заставил Е Хуая окончательно растеряться:

— Учитель...

Видя, что из покрасневших глаз вот-вот брызнут слезы, Цзян Ту вздохнул. Достав из широкого рукава чистый платок, он бесцеремонно припечатал его к лицу Е Хуая:

— Тебе уже шестнадцать. Прекрати разводить сырость, на меня твои слезы больше не действуют. Вытри физиономию и приведи себя в порядок.

Е Хуай обиженно шмыгнул носом:

— Учитель...

«Но ведь в прошлом месяце, когда я случайно обрушил Пик Плывущих Облаков, стоило мне всхлипнуть пару раз, как вы меня сразу простили», — мысленно пробурчал он.

Цзян Ту раздосадованно взмахнул рукавом и зашагал прочь:

— Живее.

Глаза бы его не видели этого недоразумения. Больше он на эту удочку не попадется.

Е Хуай остался стоять на месте, сжимая в ладони мягкую ткань.

В тот миг, когда учитель отдал ему платок, он понял: Цзян Ту сердится лишь для вида.

Но... Е Хуай осторожно поднес ткань к лицу и вдохнул. Ткань насквозь пропиталась тонким, дурманящим ароматом цветов туми, исходившим от тела наставника. Разве мог он осквернить такую драгоценность грязной юшкой? Юноша бережно спрятал платок во внутренний карман халата.

Впереди послышался холодный голос Цзян Ту:

— В следующий раз сначала подумай, за что извиняешься. И еще: если снова позволишь так себя разукрасить, забудь, что я твой наставник.

Сердце Е Хуая радостно встрепенулось. Значит, наставник злился не из-за самой драки, а из-за того, что его ученик пропустил удары от Ци Чжао? В конце концов, это ведь тоже проявление заботы! В одно мгновение ноющие ссадины на лице показались ему почти родными.

— Ученик всё понял! Учитель, подождите меня! Учитель...

Он банным листом пристал к Цзян Ту, всю дорогу без умолку повторяя «учитель» да «учитель». Цзян Ту уже сто раз пожалел, что не кляпировал его собственным платком.

В двенадцать лет его привязанность еще можно было списать на детские страхи и недоверие к миру. Но сейчас парню стукнуло шестнадцать — у смертных в эти годы уже вовсю сватаются, а он всё не отлипает от его подола... Где же он упустил момент в воспитании?

К счастью, внезапная вспышка скверны отвлекла внимание толпы, иначе неизвестно, сколько бы еще пришлось препираться с хозяевами горы Просветленного Сердца.

Едва они вернулись в свои покои, механическая птица доставила им послание от ордена.

Как и следовало ожидать, гора Просветленного Сердца не собиралась прерывать турнир из-за внезапной порчи одного адепта. Состязания должны были продолжиться своим чередом.

В письме гостей просили не беспокоиться и обещали представить подробные разъяснения сегодня к полуночи — в точности как уверял Ци Фэнчэн.

Цзян Ту перерыл дорожные сундуки, отыскал склянку с целебным порошком и протянул её Е Хуаю.

Тот принял лекарство и спросил:

— Учитель, мы сегодня еще выйдем наружу?

Цзян Ту качнул головой:

— Нет. Всему свое время.

— Понял, — кивнул Е Хуай и вдруг шикнул от боли.

Цзян Ту обернулся. Его непутевый ученик умудрился высыпать чуть ли не всю склянку ядреного порошка прямо на ссадину и теперь сидел, зажмурившись и кривясь от жгучей боли.

У Цзян Ту снова задергался висок:

— А ну подойди.

Е Хуай послушно приблизился. Цзян Ту смочил кончики пальцев чистой водой и принялся аккуратными круговыми движениями растирать порошок по его лицу, растворяя излишки и унимая жжение.

Он делал это сосредоточенно и бережно. Из своего положения Е Хуай мог видеть лишь густые, длинные ресницы, отбрасывавшие мягкую тень на бледные скулы наставника, и его тонкие, плотно сжатые губы, изгиб которых казался одновременно холодным и нежным.

Внизу живота у юноши вновь сладко потеплело.

Наступил час Хай.

Цзян Ту медитировал у окна, когда снаружи скользнула бесформенная черная тень. Пригнувшись к самой земле, она осторожно потянулась к раме.

Тень бесшумно приоткрыла створку. Она действовала с ювелирной точностью — даже разохшееся, старое дерево не издало ни единого звука.

Стоило незваному гостю полностью пролезть в комнату и сделать первый шаг по полу...

Свист!

Одинокий алый лепесток цветка туми сорвался с места и, точно пущенная из лука стрела,

насквозь пробил плоть тени, намертво пригвоздив её к деревянной раме.

Окно по-прежнему хранило гробовое молчание.

Цзян Ту даже не открыл глаз:

— Зачем пожаловал?

Тень на раме судорожно дернулась. Из черного облака выскользнул тонкий хвост, а следом посреди клубящегося мрака вспыхнули два изумрудных кошачьих глаза.

Это был фамильяр Ци Лунси — черный кот Сюэлянь.

Животное упорно молчало, буравя Цзян Ту немигающим взглядом, словно пытаясь состязаться с ним в терпении.

Однако Цзян Ту уловил его присутствие задолго до того, как тот коснулся окна, и тратить время на безмолвные гляделки не собирался:

— Говори, или выметайся вон.

Слова Цзян Ту никогда не расходились с делом. На лепестке туми запульсировала готовая сорваться духовная энергия.

Поняв, что шутки кончились, кот приоткрыл пасть, и из нее вырвался низкий, хрипловатый мужской голос:

— Старейшина Цзян, я пришел предложить вам сделку.

Цзян Ту наконец разомкнул веки и с легким удивлением окинул его взглядом:

— Так ты... кот, а не кошка?

Кошачьи зрачки на миг сузились от растерянности:

— Ци Лунси нравится это имя.

Цзян Ту понимающе кивнул:

— «Движение звезд и рек разбег, драконы сходят на берега; бурлит поток, ревет река, сияет белоснежный шелк...» Действительно, красивое имя. Но у тебя нет права вести со мной дела, Сюэлянь.

Слово «сделка» уместно лишь при соглашении между равными.

А этот черный кот явно не мог претендовать на равенство с Цзян Ту.

Тягучая капля Дыхания скверны сорвалась с раны на боку кота и с тихим стуком упала на подоконник. Взгляд животного помутнел — эти слова явно уязвили его гордость, но он все же пересилил себя:

— Тогда... я умоляю вас о помощи, старейшина Цзян.

Пленяющий лепесток туми рассыпался искрами. Черный кот мягко спрыгнул на пол и в то же мгновение обратился в высокого мужчину в темных одеждах, опустившегося перед Цзян Ту на одно колено.

Цзян Ту бесстрастно разглядывал незваного гостя.

Сюэлянь, без сомнения, был призрачным зверем. И пусть исходившее от него Дыхание скверны казалось едва различимым, сути дела это не меняло.

Но кое-что озадачивало Цзян Ту. Будда Тысячи Лепестков Лотоса из деревни Множества Благословений тоже обладал разумом, да и вообще призрачные твари славилась умом и хитростью, но Владыка преисподней впервые видел порождение Дыхания скверны, способное говорить по-человечески и принимать человеческий облик.

Если судить по меркам земных оборотней, способность к трансформации указывала на колоссальный уровень культивации. Однако концентрация Дыхания скверны в теле Сюэляня была ничтожно мала — куда меньше, чем у того же Будды Тысячи Лепестков Лотоса.

Чертовщина какая-то.

Сюэлянь тоже пристально всматривался в лицо сидящего перед ним мужчины.

Перед ним стоял прирожденный владыка. Цзян Ту смотрел на него с высоты своего величия, и в каждом его мимолетном движении сквозила царственная, непреклонная воля.

Плечо оборотня всё еще сочилось черной сукровицей — рана, нанесенная лепестком туми, никак не затягивалась. Мощь Цзян Ту оказалась сильнее хваленной регенерации призрачных зверей.

Один неверный шаг, одна мысль этого человека — и Сюэлянь рассыплется прахом.

И всё же он пришел. Потому что...

Мужчина склонил голову до самого пола, прижав ладонь к сердцу:

— Старейшина Цзян, я готов отдать собственную жизнь, лишь бы вы...

Договорить он не успел. Дверь в покои внезапно распахнулась.

«Скверно», — пронеслось в голове у Цзян Ту.

Он вскинул голову и встретился взглядом с парой округлившихся от потрясения янтарных глаз.

В дверях стоял Е Хуай. Сжимая в кулаке костяной меч, он буквально оцепенел:

— Учитель...

Его взгляд лихорадочно заметался по комнате: полумрак опочивальни, незнакомый мужчина на коленях перед наставником, распахнутое настежь окно...

В голове юноши мгновенно всплыли сюжеты сомнительных любовных романов, которые он по глупости читал втихомолку. Земля ушла у него из-под ног:

— Учитель... что вы здесь делаете?!

<http://bllate.org/book/19047/2004903>